

графа Делиля въ 1726 году. Подъ смотрѣніемъ Академіи наукъ, гдѣ есть географическій департаментъ, можетъ сіе удобно произведено быть въ дѣйство. Портретъ государя императора, какъ Великаго Магистра, придастъ несравненное украшеніе книгѣ, есть ли на то будетъ высочайшее соизволеніе.

„За нужное почитаю упомянуть и о томъ, что разные писатели доводятъ исторію ордена не далѣе какъ до великаго магистра Дела Валетта, при которомъ Турки, по истощеніи всѣхъ усилій, принуждены были съ чрезвычайною потерею въ своемъ войскѣ оставить осаду Мальты. Аббать Вертогъ послѣ сего происшествія присоединилъ краткій журналъ до 1725 года, и чтобы съ сего года продолжить исторію, со включеніемъ и нынѣшней знаменитой въ ордень перемѣны, нужно собрать потребныя къ тому свѣдѣнія, которыхъ мнѣ, какъ частному челоуѣку, получить ни откуда не можно.

„Печатаніе книги должно произведено

быть на счетъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго; въ возвратъ издержекъ ордень получить всю ту прибыль, которая отъ продажи книги произойти можетъ“.

Графъ Растопчинъ отвѣчалъ Полънову, что онъ отнесся объ этомъ къ президенту Академіи наукъ барону Николаи „и я надѣюсь, присовокупляя Растопчинъ, что онъ дастъ повелѣнія свои объ отпускѣ изъ Академіи книгъ и географической карты, нужныхъ вамъ для сочиненія исторіи ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, вами издаваемой.“ Но написанная Полновымъ исторія этого ордена не была издана, вѣроятно по случаю внезапной кончины императора Павла I.

Въ іюль мѣсяцъ 1800 года Полъновъ вышелъ въ отставку. Остальное время жизни онъ провелъ въ тишинѣ и въ болшемъ уединеніи. Скончался 10 іюля 1816 года.

Д. Полъновъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ГРАФА В. А. СОЛОГУБА.

(Читано въ публичномъ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности при императорскомъ Московскомъ университетѣ 28 марта 1865 г.) (*).

Если есть званіе, на которое я могу заимать нѣкоторое право, то это конечно званіе *любителя Россійской словесности*. Собственно писателемъ, въ строгомъ объемѣ и требованіи слова, я никогда не былъ и никогда себя не признавалъ. Быть писателемъ у насъ слишкомъ трудно. . . или ужъ слишкомъ лег-

(*) Означенное кавычками въ чтеніи было опущено. *И. Б.*

ко. Иначе оно и не можетъ опредѣлиться тамъ, гдѣ первыя условія искусства подлежатъ еще спорамъ, тамъ, гдѣ критика колеблется еще между философскими воззрѣніями и дешевой удалью, тамъ гдѣ жизнь еще не установилась и не указала прочнаго мѣста для своихъ духовныхъ представителей. Я близко видѣлъ великихъ нашихъ художниковъ, я видѣлъ ихъ страданія; я имѣлъ случай убѣдиться на опытѣ, что чѣмъ сильнѣе въ нихъ было

дарованіе, тѣмъ горестнѣе терпѣли они отъ разлада съ современнымъ имъ обществомъ. Я не амбра, говорилъ Персидскій поэтъ, но я долго жилъ подлѣ амбры: этими словами могутъ опредѣлиться мои отношенія къ Россійской словесности. Я самъ не художникъ, но я долго жилъ подлѣ великихъ художниковъ: отъ нихъ я и полюбилъ искусство, и слабые мои опыты были не что иное, какъ минутное отраженіе моихъ знакомствъ. Немногимъ даруется радость и скорбь истинныхъ призваній; но каждому дано сердце, каждому открыта любовь, каждый въ любви находитъ свое стремленіе. Мое стремленіе всегда было любить Россійскую словесность и не только любить ее, но и уважать ея призваніе, радоваться ея успѣхамъ, горевать объ ея отступленіяхъ, объ ея ошибкахъ, объ ея болѣзняхъ.

Сегодня, по случаю моего новоселья въ обществѣ, удостоившемъ меня своимъ выборомъ, я рѣшился, на правахъ новопришельца и такъ сказать именинника, рассказать, по старческому обычаю, кое что изъ моихъ воспоминаній, конечно не съ тѣмъ, чтобъ докучать собранію самохвальствомъ, а потому что съ моимъ прошедшимъ связаны нѣкоторыя мало извѣстныя подробности о личностяхъ, драгоценныхъ всѣмъ ревнителямъ нашего отечественнаго слова. Собраніе извинитъ меня благосклонно, если, говоря о нихъ, я по неволѣ буду принужденъ въ теченіи слѣдующаго разсказа, упоминать и о себѣ.

„Въ моей жизни три дома играли важную роль. Домъ Олениныхъ, домъ Карамзиныхъ, домъ гр. Вѣльгорскихъ. Въ первомъ я началъ уважать искусство, во второмъ началъ его любить, въ третьемъ началъ его понимать. Съ тѣхъ поръ, какъ я себя помню, я помню себя въ домѣ Олениныхъ, съ которыми мы считались въ родствѣ. Родствомъ, даже отдаленнымъ, въ старину дорожили. Оленинъ былъ

строгимъ классикомъ и добродушнымъ меценатомъ; у него я игралъ съ *Крылочками*, какъ назывался въ домѣ И. А. Крыловъ; у него я глядѣлъ съ нѣкоторымъ страхомъ на величаваго, одноокаго Гнѣдича; у него я въ первый разъ видѣлъ Пушкина, влюбленнаго въ дочь Оленина, и написавшаго для нея, какъ извѣстно, нѣсколько стихотвореній. Мнѣ очень памятно, съ какимъ благоговѣніемъ смотрѣлъ я на современныхъ извѣстныхъ писателей и какъ умиленно взиралъ я на бархатные сапоги старичка Нелединскаго-Мелецкаго. Только здѣсь недавно узналъ я, что эти сапоги были ничто иное какъ хитрость. У Нелединскаго подагры никогда не бывало, но онъ себѣ ее придумалъ, чтобъ не надѣвать при дворѣ длинныхъ чулковъ. Нелединскій былъ чрезвычайно любезенъ и остроуменъ, и онъ-то однажды на вопросъ, умна ли такая дама, отвѣчалъ серьезно: „не знаю, я говорилъ съ ней только по-французски“. Живо помню я тоже Грибоѣдова и помню, какъ изумлялся, когда онъ садился за фортепьяно, что такой человекъ могъ еще быть музыкантомъ. Изъ этой первой эпохи моего дѣтскаго литературнаго любительства я вынесъ оставшееся мнѣ на всю жизнь чувство уваженія къ чужимъ заслугамъ, къ авторитетамъ и къ классикамъ. За тѣмъ наступила болѣе сознательная пора юности: 15-ти лѣтъ я былъ студентомъ Дерптскаго университета и, подъ вліяніемъ студентскихъ пѣсенъ и бойкаго Языковскаго стиха, началъ кое что писать, сперва весьма неудачно, потомъ немного получше. Въ Дерптѣ я былъ принятъ какъ родной въ семействѣ Карамзиныхъ. Знакомство съ Карамзинными было вторымъ періодомъ моей душевной жизни, и снова, но уже стечливо, съ понятіемъ о словесности я смлъ все лучшія свои побужденія и гаклонности. Карамзинскій кругъ былъ всегда пріютомъ Русской умственной дѣятель-

ности, и въ то же время храмомъ самаго сердечнаго радушія. Гостей тутъ собственно не бывало; тутъ собирались только друзья, родные по сердцу, образующіе одну семью, надъ которой парила всегда присущая, обожаемая тѣнь Русскаго исторіографа. И въ Дерптѣ и потомъ въ Петербургѣ я былъ у Карамзиныхъ каждый день. У нихъ, въ теченіи 20 лѣтъ, я сблизался поочередно съ другими душевными родственниками Карамзинскаго дома, съ Пушкинымъ, Жуковскимъ, кн. Вяземскимъ, Тургеневыми, Баратынскимъ, Лермонтовымъ и многими другими. У нихъ сблизился я и съ покойнымъ моимъ тестемъ гр. Мих. Юр. Віельгорскимъ, принявшимъ меня въ свой домъ. Гр. Віельгорскій прошелъ незамѣченный въ Русской жизни; даже въ обществѣ, въ которомъ онъ жилъ, онъ былъ оцѣненъ только немногими. Онъ не искалъ извѣстности, уклонялся отъ борьбы и несмотря на то или можетъ быть именно потому былъ личностью необыкновенной: философъ, критикъ, лингвистъ, медикъ, теологъ, герметикъ, почетный членъ всѣхъ масонскихъ ложъ, душа всѣхъ обществъ, семьянинъ, эпикурецъ, царедворецъ, саванникъ, артистъ, музыкантъ, товарищъ, судья, онъ былъ живой энциклопедіей самыхъ глубокихъ познаній, образцомъ самыхъ нѣжныхъ чувствъ и самаго игриваго ума. У него, въ кругу представителей всѣхъ знаній, я понялъ, что словесность не есть попытка на авось, а тоже искусство или правильнѣе только часть одного общаго, единичнаго, въ своихъ частяхъ тождественнаго искусства, налагающаго одни и тѣ же законы на всѣ свои отрасли. Тогда я началъ искать эти законы въ чужихъ твореніяхъ, и не нашелъ ихъ въ своихъ. Тогда я отказался отъ званія писателя, а принялъ заблаговременно званіе любителя, въ томъ убѣжденіи, что и любить хорошее дѣло, что и любить не всякому дано.

Изложивъ передъ собраніемъ мою литературную исповѣдь и сильныя права на дипломъ, коимъ нынѣ удостоенъ, я позволю себѣ рассказать теперь про мои отношенія къ лицамъ, о которыхъ много было уже сказано и никогда не устаетъ говорить. Смѣю надѣяться, что собраніе не утомится моимъ рассказомъ“.

Въ 1831 году лѣтомъ я пріѣхалъ на ваканціи изъ Дерпта въ Павловскъ. Въ Павловскѣ жила моя бабушка; и съ нею вмѣстѣ покойная тетка моя Александра Ивановна Васильчикова, женщина высокой добродѣтели, постоянно тогда озабоченная воспитаніемъ своихъ дѣтей (*). Одинъ изъ сыновей ея, нынѣ умершій, къ сожалѣнію родился съ поврежденнымъ при рожденіи черепомъ, такъ что умственныя его способности остались навсегда въ туманѣ. Всѣ средства истощались, чтобъ помочь горю, все было напрасно. Тетка придумала наконецъ нанять учителя, который бы могъ развивать, хотя нѣсколько, мутную понятливость бѣднаго страдальца, показывая ему картинки и бесѣдуя съ нимъ цѣлый день. Такой учитель былъ найденъ, и когда я пріѣхалъ въ Павловскъ, тетка моя просила меня познакомиться съ нимъ, и обласкать его, такъ какъ, по словамъ ея, онъ тоже былъ охотникомъ до Русской словесности и, какъ ей сказывали, даже что-то пописывалъ. Какъ теперь помню это знакомство. Мы вошли въ дѣтскую, гдѣ у письменнаго стола сидѣлъ наставникъ съ ученикомъ, и указывалъ ему на изображенія разныхъ животныхъ, подражая при томъ ихъ блянію, мычанію, хрюканію, и т. д. „Вотъ это, душенька, баранъ, понимаешь ли? баранъ,— бе, бе... Вотъ это корова, знаешь, корова, му, му“. При этомъ учитель съ какимъ то особымъ

(*) См. наше некрологическое извѣстіе объ А. И. Васильчиковой, въ Московск. Вѣдомостяхъ 1855 г., осенніе мѣсяцы. П. Б.

оригинальнымъ наслажденіемъ упражнялся въ звукоподражаніяхъ. Признаюсь, мнѣ грустно было глядѣть на подобную сцену, на такую жалкую долю человѣка, принужденнаго, изъ за куска хлѣба, согласиться на подобное занятіе. Я поспѣшилъ выйти изъ комнаты, едва раслыхавъ слова тетки, представлявшей мнѣ учителя и назвавшей мнѣ его по имени: *Николай Васильевичъ Гоголь*.

У покойницы моей бабушки, какъ у всѣхъ тогдашнихъ старушекъ, жили постоянно бѣдные дворянки, компаніонки, приживалки. Имъ то по вечерамъ читалъ Гоголь свои первыя произведенія. Вскорѣ послѣ страннаго знакомства я шелъ однажды по коридору и услышалъ, что кто то читаетъ въ ближней комнатѣ. Я вошелъ изъ любопытства, и нашелъ Гоголя среди дамскаго, домашняго ареопага. Александра Николаевна вязала чулокъ, Анна Антоновна хлопала глазами, Анна Николаевна по обыкновенію опраивала напомаженные виски. Ихъ было еще двѣ или три, если не ошибаюсь. Передъ ними сидѣлъ Гоголь и читалъ про украинскую ночь. „Знаете ли вы украинскую ночь? Нѣтъ, вы не знаете украинской ночи!“ Кто не слыхалъ читавшаго Гоголя, тотъ не знаетъ вполнѣ его произведеній. Онъ придавалъ имъ особый колоритъ, своимъ спокойствіемъ, своимъ произношеніемъ, неувимыми отбѣнками насмѣшливости и комизма, дрожавшими въ его голосѣ и быстро пробѣгавшими по его оригинальному остроносому лицу, въ то время какъ сѣрые маленькіе его глаза добродушно улыбались, и онъ встряхивалъ всегда падавшими ему на лобъ волосами. Описывая украинскую ночь, онъ какъ будто переливалъ въ душу впечатлѣнія лѣтней свѣжести, синей, усѣянной звѣздами выси, благоуханія, душевнаго простора. Вдругъ онъ остановился. „Да гокакъ не такъ танцуется!“ Приживалки вскрикнули: „Отъ чего не такъ?“ Онъ подумали, что Го-

голь обращался къ нимъ. Гоголь улыбулся и продолжалъ монологъ пьянаго мужика. Признаюсь откровенно, я былъ пораженъ, уничтоженъ; мнѣ хотѣлось взять его на руки, вынести его на свѣжій воздухъ, на настоящее его мѣсто. *Майская ночь* осталась для меня любимымъ Гоголевскимъ твореніемъ, быть можетъ, отъ того, что я ей обязанъ тѣмъ, что изъ первыхъ въ Россіи могъ узнать и оцѣнить этого гениальнаго человѣка. Карамзины жили тогда въ Царскомъ Селѣ, у нихъ я часто видалъ Жуковскаго, который сказалъ мнѣ, что уже познакомился съ Гоголемъ и думаетъ, какъ бы освободить его отъ настоящаго мѣста. Пушкина я встрѣтилъ въ Царскосельскомъ паркѣ. Онъ только что женился и гулялъ подъ ручку съ женой, первой Европейской красавицей, какъ говорилъ онъ мнѣ послѣ. Онъ представилъ меня тутъ же и на вопросъ мой, знаетъ ли онъ Гоголя, отвѣчалъ, что еще не знаетъ, но слышалъ о немъ и желаетъ съ нимъ познакомиться.

Послѣ незабвеннаго для меня чтенія, я, разумѣется, сблизился съ Гоголемъ и ходилъ съ того времени постоянно съ нимъ въ самыхъ дружелюбныхъ отношеніяхъ, но никогда не припоминалъ онъ о нашемъ первомъ знакомствѣ: видно было, что, не смотря на всю его душевную простоту (отпечатокъ возвышенной природы), онъ нѣсколько совѣстился своего прежняго званія толкователя картинокъ. Впрочемъ онъ изрѣдка посѣщалъ мою тетку и однажды сдѣлалъ ей такой странный визитъ, что нельзя о немъ не упомянуть. Тетушка сидѣла у себя съ дѣтьми въ глубокомъ траурѣ, съ плѣрезами, по случаю недавней кончины ея матери. Докладываютъ про Гоголя. — „Присите“. Входитъ Гоголь съ постной физиогноміей. Какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, разговоръ начался о бренности всего мірскаго. Дол-

жно быть это надоѣло Гоголю: тогда онъ былъ еще веселъ и въ полномъ порывѣ своего юмористическаго вдохновенія. Вдругъ онъ начинаетъ предлинную и преплачевную исторію про какого то Малороссійскаго помѣщика, у котораго умиралъ единственный, обожаемый сынъ. Старикъ измучился, не отходя отъ больного ни днемъ ни ночью, по цѣлымъ недѣлямъ, наконецъ утомился совершенно и пошелъ прилечь въ сосѣдную комнату, отдавъ приказаніе, чтобъ его тотъ часъ разбудили, если больному сдѣлается хуже. Не успѣлъ онъ заснуть, какъ чело-вѣкъ бѣжитъ. „Пожалуйте!“—„Что, неужели хуже?“—„Какой хуже! Скончался совсемъ!“ При этой развязкѣ всѣ лица слушавшихъ со вниманіемъ рассказъ вытянулись, раздались вздохи, общій возгласъ и вопросъ: Ахъ Боже мой! Ну что же бѣдный отецъ?—„Да что жъ ему дѣлать, продолжалъ хладнокровно Гоголь, разтопырилъ руки, пожалъ плечами, покачалъ головой, да и свиснулъ: фю, фю.“—Громкій хохотъ дѣтей заключилъ анекдотъ, а тетюшка, съ полнымъ на то правомъ, разсердилась на эту шутку, дѣйствительно въ минуту общей печали весьма неумѣстную. Трудно объяснить себѣ, зачѣмъ Гоголь, всегда кроткій и застѣнчивый въ обществѣ, рѣшился на подобную выходку. Быть можетъ, онъ вздумалъ развеселить дѣтей отъ господствовашаго въ домѣ грустнаго настроенія; быть можетъ, онъ, самъ того не замѣчая, увлекся бывшей въ немъ постоянно струей неодолимаго комизма. Впрочемъ онъ очень любилъ это окончаніе едва внятнымъ свистомъ и кончилъ имъ свою комедію Женидьба. Я помню, что онъ читалъ ее однажды у Жуковскаго въ одну изъ тѣхъ пятницъ, гдѣ собиралось общество (тогда немалочисленное) Русскихъ литературныхъ, ученыхъ и артистическихъ знаменитостей. При послѣднихъ словахъ. „Но когда женихъ выскочилъ въ окно, то

уже...“ онъ скорчилъ такую гримасу и такъ уморительно свиснулъ, что всѣ слушатели покатались со смѣху. При представленіи этотъ свистъ замѣнила, кажется, актриса Гусева, словами: „такъ ужъ просто мое почтеніе“, что всегда и говорится теперь. Но этотъ конецъ далеко не такъ комиченъ и оригиналенъ, какъ тотъ, который придуманъ былъ Гоголемъ. Онъ не завершаетъ пьесы и не довершаетъ въ зрителѣ, послѣдней комической чертой, общаго впечатлѣнія послѣ комедіи, основанной на одномъ только юморѣ.

Пушкинъ познакомился съ Гоголемъ и рассказалъ ему про случай, бывший въ г. Устюжнѣ Новгородской губерніи о какомъ то проѣзжемъ господинѣ, выдавшемъ себя за чиновника министерства и обобравшемъ всѣхъ городскихъ жителей. Кромѣ того Пушкинъ, самъ будучи въ Оренбургѣ, узналъ, что о немъ получена гр. В. А. Перовскимъ секретная бумага, въ которой послѣдній предостерегался, чтобъ былъ остороженъ, такъ какъ исторія Пугачевскаго бунта была только предлогомъ, а поѣздка Пушкина имѣла цѣлью обревизовать секретно дѣйствія Оренбургскихъ чиновниковъ. На этихъ двухъ данныхъ задуманъ былъ Ревизоръ, коего Пушкинъ называлъ себя всегда крестнымъ отцомъ (*). Сюжетъ Мерт-

(*) Въ однихъ неизданныхъ запискахъ о жизни Пушкина, это рассказано слѣдующимъ образомъ: „Въ поѣздку свою въ Уральскъ, для собранія свѣдѣній о Пугачевѣ, въ 1833 г., Пушкинъ былъ въ Нижнемѣ, гдѣ тогда губернаторомъ былъ М. П. Б. Онъ прекрасно принялъ Пушкина, ухаживалъ за нимъ и вѣжливо проводилъ его. Изъ Нижняго Пушкинъ поѣхалъ прямо въ Оренбургъ, гдѣ командовалъ его давнишній пріятель гр. Василій Алексѣевичъ Перовскій. Пушкинъ у него и остановился. Разъ они долго сидѣли вечеромъ. Поздно утромъ Пушкина разбудилъ страшный хохотъ. Онъ видитъ: стоитъ Перовскій, держитъ письмо въ рукахъ и

выхъ Душъ тоже сообщенъ Пушкинымъ. „Никто, говаривалъ онъ, не умѣетъ лучше Гоголя подмѣтить всю пошлость Русскаго человѣка“. Но у Гоголя были еще другія, громадныя достоинства, и мнѣ кажется, что Пушкинъ никогда въ томъ полнѣ не убѣдился.

„Во всякомъ случаѣ онъ не ожидалъ, чтобъ имя Гоголя стало подлѣ, если не выше, его собственнаго имени. Пушкинъ былъ великимъ художникомъ, Гоголь гениемъ. Пушкинъ все подчинялъ условіямъ пластики, эстетики, искусства: Гоголь ни къ чему не готовился, не слѣдовалъ никакимъ правиламъ, никакимъ образцамъ, не зналъ ни грамматики, ни правописанія. Онъ былъ самобытенъ, самороденъ, и часто грѣшилъ противъ эстетическаго вкуса. Онъ обогатилъ Русскую

заливается хохотомъ. Дѣло въ томъ, что онъ получалъ письмо отъ Б. изъ Нижняго, содержанія такого. „У насъ недавно проѣзжалъ Пушкинъ. Я, зная, кто онъ, обласкалъ его, но должно признаться, никакъ не вѣрю, чтобы онъ развѣзжалъ за документами объ Пугачевскомъ бунтѣ; должно быть ему дано тайное порученіе собирать свѣдѣнія объ неисправностяхъ. Вы знаете мое къ вамъ расположеніе; я почелъ долгомъ вамъ посовѣтовать, чтобъ вы были осторожнѣе, и пр.“ Тогда Пушкину пришла идея написать комедію: Ревизоръ. онъ сообщилъ послѣ объ этомъ Гоголю, рассказывалъ нѣсколько разъ другимъ и собирался самъ что-то написать въ этомъ родѣ (Слышано отъ самаго Пушкина).

Далѣе рассказываютъ за вѣрное, что и мысль о Мертвыхъ Душахъ тоже принадлежала Пушкину. Въ Москвѣ Пушкинъ былъ съ однимъ пріятелемъ на бѣгу. Тамъ былъ также нѣкто П. (старинный франтъ). Указывая на него Пушкину, пріятель рассказалъ про него, какъ онъ скупилъ себѣ мертвыхъ душъ, заложилъ ихъ и получилъ большой барышъ. Пушкину это очень понравилось. „Изъ этого можно было бы сдѣлать романъ“, сказалъ онъ между прочимъ. Это было еще до 1828 года. Гоголь въ оставшейся между его бумагами Исповѣди подтверждаетъ самъ оба эти показанія.“ П. Б.

словесность своей личностью, своими произведеніями; но нельзя сказать, чтобъ школа, имъ порожденная, принесла пользу: напротивъ она, за отсутствіемъ гения, принялась подражать недостаткамъ и утратила многія необходимыя условія настоящаго искусства. Вліяніе Пушкина было во многомъ благотворнѣе. Оно облагородило, усовершенствовало, гармонизировало Русскую рѣчь, Русскій слогъ. Оно поддержало и поддерживаетъ понынѣ художественные, вѣчные законы простоты, соразмѣрности, формы, колорита, идеальнаго пониманія истины и разборчиваго изображенія природы. Гоголь еще вѣроятно выростетъ въ мнѣніи Русскаго народа, по созданнымъ имъ живымъ типамъ, не уступающимъ типамъ Мольеровскимъ, но школа его исчезнетъ. Пушкинъ утратитъ, можетъ быть, еще болѣе современной ему свѣжести его произведеній; но какъ образецъ, какъ художникъ, какъ примѣръ и учитель, онъ будетъ оцѣненъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе и укажетъ еще Русской словесности, на какомъ пути, въ силу какихъ правилъ, она можетъ развиваться, окрѣпнуть, и принести настоящую государственную пользу нашему народному образованію“. Отличительнымъ свойствомъ великихъ талантовъ бываетъ всегда уваженіе къ настоящему или даже мнимому превосходству. Гоголь благоговѣлъ передъ Пушкинымъ, Пушкинъ передъ Жуковскимъ. Я слышалъ однажды между послѣдними слѣдующій разговоръ. „Василій Андреевичъ, какъ вы написали бы такое то слово?“—На что тебѣ? (Надо замѣтить что Пушкинъ говорилъ Жуковскому *вы*, а Жуковской Пушкину *ты*.) „Мнѣ надобно знать, отвѣчалъ Пушкинъ, какъ бы вы написали.“—Какъ бы написали, такъ и слѣдуетъ писать. Другихъ правилъ не нужно.

Жуковскій былъ типомъ душевной чистоты, идеальнаго направленія и самаго

свѣтлаго, тихаго добродушія, выражавшагося иногда весьма оригинально. Возвратившись изъ Англїи, гдѣ онъ восхищался зеленѣющими тучными пастбищами, онъ говорилъ съ восторгомъ: „Что за край! Что за край! Вотъ такъ и хочется быть короной, чтобъ наслаждаться жизнью“. Когда сгорѣлъ Зимній Дворецъ, половина, на которой жилъ Жуковскій, уцѣлѣла какимъ то чудомъ. Жуковскій былъ этимъ очень не доволенъ и, возвратясь въ свою комнату, обратился къ ней съ досадою: „Свинья, какъ же ты-то смѣла не сгорѣть!“ Жуковскій былъ очень друженъ съ Плетневымъ, и по ихъ протекціи Гоголь получилъ мѣсто при Петербургскомъ университетѣ, но, кажется, читалъ только двѣ лекціи. Онъ издалъ тогда *Вечера на хуторѣ, Арабески, Миргородъ* и сдѣлался уже извѣстнымъ. Впрочемъ я тогда потерялъ его изъ виду и сблизиться съ нимъ мнѣ суждено было уже послѣ, за границей.....

Прошло нѣсколько лѣтъ. Изъ Дерптскихъ студентовъ, 20 лѣтъ, я поступилъ на службу и тогда же затѣялъ жениться, что мнѣ не удалось, но послужило поводомъ къ одной странной исторїи, положившей основаніе моему сближенію съ Пушкинымъ. Я рѣшился на время оставить Петербургъ и просилъ какой нибудь командировки по министерству внутреннихъ дѣлъ, гдѣ числился по департаменту духовныхъ дѣлъ, директоромъ котораго былъ Ф. Ф. Вигель. (Онъ на меня очень сердился за то, что я разъ сказалъ, что ни онъ ни я никогда въ департаментѣ не бываемъ). Командировку мнѣ дали: я былъ назначенъ секретаремъ слѣдственной комиссіи, отправляемой въ Ржевъ, Тверской губерніи, по случаю совершеннаго тамъ раскольниками святотатства. Предсѣдателемъ комиссіи былъ назначенъ только что вернувшійся тогда изъ Іерусалима А. С. Н. Онъ взялъ меня въ свою коляску. Выѣхавъ изъ Царскаго Села, мы вы-

шли для предосторожности, чтобъ спуститься подъ гору пѣшкомъ, и тутъ А. С. обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

„Вы знаете, какъ производятся слѣдствія?“

—Нѣтъ, отвѣчалъ я, не знаю; я служу недавно и о слѣдственныхъ дѣлахъ никакого понятія не имѣю.

• Да и я тоже, сказалъ жалобно А. С. Я вѣдь на васъ надѣялся.“

—А я на васъ, ваше пр— во.

Вотъ какъ тогда назначались слѣдствія.

Въ Твери мы достали собраніе законовъ и сѣли учиться, послѣ чего поѣхали въ Ржевъ. Слѣдствіе продолжалось долго и было, къ удивленію, ведено исправно. Оно ознаменовалось разными любопытными эпизодами, о которыхъ здѣсь упоминать впрочемъ не мѣсто. Самымъ же замѣчательнымъ для меня было полученное мною отъ Андрея Карамзина письмо, въ которомъ онъ меня спрашивалъ, зачѣмъ же я не отвѣчаю на вызовъ А. С. Пушкина: Карамзинъ поручился ему за меня, какъ за своего Дерптскаго товарища, что я отъ поединка не откажусь.

Для меня это было совершенной загадкой. Пушкина я зналъ очень мало, встрѣчался съ нимъ у Карамзиныхъ, смотрѣлъ на него какъ на полу-бога и былъ только сильно имъ однажды озадаченъ, когда спросилъ у него на Невскомъ Проспектѣ съ нѣкоторой развязанностью, не проведемъ ли мы вмѣстѣ вечеръ у одного извѣстнаго журналиста. — „Я человекъ женатый“ отвѣчалъ мнѣ Пушкинъ, „и въ такіе домъ ѣздить не могу“, и прошелъ далѣе. И вдругъ ни съ того, ни съ сего, онъ вызываетъ меня стрѣляться, тогда какъ передъ отъѣздомъ я съ нимъ даже не видѣлся вовсе. Рѣшительно нельзя было ничего тутъ понять, кромѣ того, что Пушкинъ чѣмъ то обидѣлся, о чемъ то мнѣ писалъ и что письмо его было перехвачено. Слѣдствіе кончилось. Я пере-

ѣхалъ жить въ Тверь, гдѣ былъ принятъ, какъ родной, въ домѣ незабвеннаго для меня умнаго, радушнаго и добродушнаго слѣпаго старика А. М. Бакунина. Сынъ его Михаилъ, надѣлавшій въ послѣдствіи столько шума, скрывался у него тогда отъ артиллерійской службы, и по страсти своей къ побѣгамъ, вдругъ ночью убѣжалъ тайно отъ отца, котораго его вовсе не задерживалъ и послалъ ему въ погоню шубу и пироговъ на дорогу. Съ Карамзинымъ я списался и узналъ наконецъ, въ чемъ дѣло. Наканунѣ моего отъѣзда я былъ на вечерѣ вмѣстѣ съ Нат. Ник. Пушкиной, которая шутила надъ моей романической страстью и ея предметомъ. Я ей хотѣлъ замѣтить, что она уже не дѣвочка и спросилъ, давно ли она за мужемъ. Затѣмъ разговоръ коснулся Ленскаго, очень милаго и образованнаго поляка, танцовавшаго тогда превосходно мазурку на Петербургскихъ балахъ. Все это было до крайности невинно, и безъ всякой задней мысли. Но присутствующія дамы соорудили изъ этого простаго разговора цѣлую сплетню; что я будто отъ того говорилъ про Ленскаго, что онъ будто нравится Натальѣ Николаевнѣ (чего никогда не было) и что она забываетъ о томъ, что она еще недавно за мужемъ. Наталья Николаевна, должно быть, сама рассказала Пушкину про такое странное истолкованіе моихъ словъ, такъ какъ она вообще ничего отъ мужа не скрывала, хотя и знала его пламенную, необузданную природу. Пушкинъ написалъ тотчасъ ко мнѣ письмо, никогда ко мнѣ не дошедшее, и, какъ мнѣ было передано, началъ говорить, что я уклоняюсь отъ дуэли. Получивъ это объясненіе, я написалъ Пушкину, что я совершенно готовъ къ его услугамъ, когда ему будетъ угодно, хотя не чувствую за собой никакой вины по такимъ и такимъ-то причинамъ. Пушкинъ остался моимъ письмомъ до-

воленъ и сказалъ С. А. Соболевскому: „Немножко длинно, молодо, а впрочемъ хорошо“. Въ то же время онъ написалъ мнѣ по французски письмо слѣдующаго содержанія: „М. г. Вы приняли на себя напрасный трудъ, сообщивъ мнѣ объясненія, которыхъ я не спрашивалъ. Вы позволили себѣ невѣжливость относительно жены моей. Имя, вами носимое и общество, вами посѣщаемое, вынуждаютъ меня требовать отъ васъ сатисфакціи за непристойность вашего поведенія. Извините меня, если я не могу пріѣхать въ Тверь прежде конца настоящаго мѣсяца“ и пр. Оригиналъ этаго письма долго у меня хранился, но потомъ къ мнѣ то у меня взять, едва ли не въ Симбирскѣ. Дѣлать было нечего; я сталъ готовиться къ поединку, купилъ пистолеты, выбралъ секунданта, привелъ бумаги въ порядокъ и началъ дожидаться и прождалъ такъ напрасно три мѣсяца. Я твердо впрочемъ рѣшился не стрѣлять въ Пушкина, но выдерживать его огонь, сколько ему будетъ угодно. Пушкинъ все не пріѣзжалъ, но спрашивалъ про дорогу, на что одинъ мой тогдашній пріятель, нынѣ государственный савонникъ, навѣстившій меня проѣздомъ черезъ Тверь, отвѣчалъ, что до Твери дорога хорошая. Вѣроятно гнѣвъ Пушкина давно уже охладѣлъ, вѣроятно онъ понималъ неумѣстность поединка съ молодымъ человѣкомъ, почти ребенкомъ, изъ самой пустой причины „во избѣжаніе какой-то свѣтской молвы“. Наконецъ отъ того же пріятели узналъ я, что въ Петербургѣ явился новый французъ, роляистъ *Дантесъ*, сильно уже надоѣдавшій Пушкину. (*) Съ другой стороны онъ, по особо-

(*) Баронъ *Жоржъ Дантесъ*, нынѣ богатый Эльзасскій помѣщикъ и Французскій сенаторъ, усыновленный голландскимъ посланникомъ при нашемъ дворѣ барономъ Гекерномъ и присоединившій къ своему фамильному имени его имя, прибылъ въ Россію для поступленія въ нашу службу около 1833 года. Онъ былъ легитимистъ,

му щегольству его привычекъ, не хотѣлъ уже отказаться отъ дѣла, имъ затѣяннаго. Весной я получилъ отъ моего министра графа Блудова предписаніе немедленно отправиться въ Витебскъ въ распоряженіе ген. губернатора Дьякова. Я забылъ сказать, что я завѣдывалъ въ то

и это самое, при тогдашнихъ политическихъ отношеніяхъ, могло облегчить ему его успѣхи въ Петербургѣ. Императрица Александра Феодоровна видала его у графини Фикельмонъ, императоръ Николай Павловичъ случайно встрѣтилъ его у соотечественника его батальнаго живописца Ладюрнера, и дозволилъ вступить въ Кавалергардскій полкъ. Ему выдавалось ежегодное негласное пособіе (см. у Аммосова стр. 5—7). Поразительная случайность: въ памятной книжкѣ Пушкина, гдѣ онъ записывалъ разные анекдоты, встрѣчи и пр., отмѣченъ пріѣздъ въ Петербургъ Дантеса. Вѣроятно онъ много о немъ слышался отъ гр. Фикельмонъ, съ которою тоже былъ друженъ. Познакомились они въ 1833 г., сидя рядомъ за общимъ столомъ въ известной рестораціи Дюме. Долгое время, отношенія ихъ не только были сносны, но Пушкинъ даже восхищался острыми словами Дантеса и съ добродушнымъ смѣхомъ передавалъ ихъ. Такъ однажды онъ ѣхалъ на балъ съ женою и двумя свояченицами; встрѣтивъ его у дверей, Дантесъ воскликнулъ: *Voilà le racha à trois queues!* (Вотъ трехбучужный паша!) Въ другой разъ Пушкинъ при немъ говорилъ, какъ бы ему назвать журналъ, который ему хочется издавать въ родѣ англійскаго *Quarterly Review*. — *Donnez lui le nom de Kwartalny Nadziratel* (назовите его Квартальный Надзиратель), замѣтилъ Дантесъ. — Когда разобраны будутъ всѣ обстоятельства и подробности несчастной исторіи, по всему вѣроятію окажется несомнѣнно, что молодой кавалергардъ былъ только орудіемъ скрытой каверзы другихъ лицъ. Въ Современникѣ 1863 г. (июль, стр. 317—328) неизвѣстный авторъ, разбирая книжку г. Аммосова о послѣднихъ дняхъ жизни Пушкина, прямо обвиняетъ тогдашнее Петербургское общество и гр. Б. въ гибели поэта, утверждая, что даже и друзья Пушкина только раздражали его своимъ участіемъ, а начальство не приняло нужныхъ мѣръ къ предупреденію поединка. *П. Б.*

время принадлежавшей моей матушкѣ Тверской вотчиной. Передъ отъѣздомъ въ Витебскъ нужно было сдѣлать нѣскольکو распоряженій. Я и поѣхалъ въ деревню на два дня; вечеромъ въ Тверь пріѣхалъ Пушкинъ. На всякій случай я оставилъ письмо, которое отвезъ ему мой секундантъ князь Козловскій. Пушкинъ жалѣлъ, что не засталъ меня, извинялся и былъ очень любезенъ и разговорчивъ съ Козловскимъ. На другой день онъ уѣхалъ въ Москву. На третій я вернулся въ Тверь и съ ужасомъ узналъ, съ кѣмъ я развѣхался. Первой моей мыслью было, что онъ подумаетъ, пожалуй, что я отъ него убѣжалъ. Тутъ мѣшкать было нечего. Я послалъ тотъ часъ за почтовой тройкой и безъ оглядки поскакалъ прямо въ Москву, куда пріѣхалъ на разсвѣтѣ и велѣлъ везти себя прямо къ П. В. Нащокину, у котораго останавливался Пушкинъ. Въ домѣ всѣ еще спали. Я вошелъ въ гостинную и приказалъ челоуѣку разбудить Пушкина. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вышелъ ко мнѣ въ халатѣ, заспанный и началъ чистить необыкновенно длинные ногти. Первые взаимныя привѣтствія были очень холодны. Онъ спросилъ меня, кто мой секундантъ. Я отвѣчалъ, что секундантъ мой остался въ Твери, что въ Москву я только пріѣхалъ и хочу просить быть моимъ секундантомъ известнаго генерала князя *Θ. Гагарина*. Пушкинъ извинился, что заставилъ меня такъ долго дожидаться и объявилъ, что его секундантъ П. В. Нащокинъ.

За тѣмъ разговоръ нѣсколько оживился, и мы начали говорить объ начатомъ имъ изданіи Современника. „Первый томъ былъ слишкомъ хорошъ, сказалъ Пушкинъ. Второй я постараюсь выпустить поскучнѣе: публику баловать не надо.“ Тутъ онъ разсмѣялся, и бесѣда между нами пошла почти дружеская, до появленія Нащокина. Павелъ Войновичъ явился въ свою очередь заспанный, съ взъерошен-

ными волосами, и, глядя на мирный его ликъ, я невольно пришелъ къ заключенію, что никто изъ насъ не ищетъ кровавой развязки, а что дѣло въ томъ, какъ бы всѣмъ выпутаться изъ глупой исторіи, не уронивъ своего достоинства. Павелъ Войновичъ тотъ часъ приступилъ къ роли примирителя. Пушкинъ непремѣнно хотѣлъ, чтобъ я передъ нимъ извинился. Обиженнымъ онъ впрочемъ себя не считалъ, но ссылаясь на мое свѣтское значеніе и какъ будто боялся компрометировать себя въ обществѣ, если оставить безъ удовлетворенія дѣло, получившее уже въ небольшомъ кругу нѣкоторую огласку. Я съ своей стороны объявлялъ, что извиняться передъ нимъ ни подъ какимъ видомъ не стану, такъ какъ я не виноватъ рѣшительно ни въ чемъ; что слова мои были перетолкованы превратно и сказаны въ такомъ то смыслѣ. Споръ продолжался довольно долго. Наконецъ мнѣ было предложено написать нѣсколько словъ Натальѣ Николаевнѣ. На это я согласился, написалъ прекудрявое французское письмо, которое Пушкинъ взялъ, и тотъ часъ же протянулъ мнѣ руку, послѣ чего сдѣлался чрезвычайно веселъ и дружелюбенъ. Этому прошло 30 лѣтъ: многое конечно я уже забылъ, но самое обстоятельство мнѣ весьма памятно, потому что было основаніемъ ближайшихъ въ послѣдствіи моихъ сношеній съ Пушкинымъ, и кромѣ того выказываетъ одну странную сторону его характера, а именно его пристрастіе къ свѣтской молвѣ, къ свѣтскимъ отличіямъ, толкамъ и условіямъ.

Моя исторія съ Пушкинымъ можетъ быть немаловажнымъ матеріаломъ для будущаго его біографа. Она служитъ прологомъ къ кровавой драмѣ его кончины; она объясняетъ, какъ развивались въ немъ чувства тревоги, томленія, досады и безсилія противъ удушливой свѣтской сферы, которой онъ подчинялся. И тутъ, какъ и послѣ, жена его была толь-

ко невиннымъ предлогомъ, а не причиной его взрывочнаго возмущенія противъ судьбы. И не смотря на то, онъ дорожилъ своимъ великосвѣтскимъ положеніемъ. *P n'y a qu'une seule bonne société*, говаривалъ онъ мнѣ потомъ, *c'est la bonne*. Письмо же мое Пушкинъ, кажется, изорвалъ, такъ какъ оно никогда не дошло по своему адресу. Тотъ часъ же послѣ нашего объясненія, я уѣхалъ въ Витебскъ. Къ осени, я вернулся въ Петербургъ и уже тогда коротко сблизился съ Пушкинымъ. Онъ поощрялъ мои первые литературные опыты, давалъ мнѣ совѣты, читалъ свои стихи и былъ чрезвычайно ко мнѣ благосклоненъ, не смотря на разность нашихъ лѣтъ. Почти каждый день ходили мы гулять по толкучему рынку, покупали тамъ сайки, потомъ, возвращаясь по Невскому Проспекту, предлагали эти сайки свѣтскимъ разряженнымъ щеголямъ, которые бѣгали отъ насъ съ ужасомъ. Вечеромъ мы встрѣчались у Карамзиныхъ, у Вяземскихъ, у кн. Одоевскаго и на свѣтскихъ балахъ. Не могу простить себя, что не записывалъ каждый день, что отъ него слышалъ. Отношенія его къ Дантесу были уже весьма недружелюбныя. Однажды на вечерѣ у кн. Вяземскаго онъ вдругъ сказалъ, что Дантесъ носитъ перстень съ изображеніемъ обезьяны. Дантесъ былъ тогда легитимистомъ и носилъ на рукѣ портретъ Генриха V-го. „Посмотрите на эти черты, воскликнулъ тотчасъ Дантесъ, похожи ли онъ на г-на Пушкина?“ Размѣнъ невѣжливостей остался однако безъ послѣдствія. Пушкинъ говорилъ отрывисто и ѣдко. Скажетъ, бывало, колкую эпиграмму и вдругъ залетится звонкимъ, добродушнымъ, дѣтскимъ смѣхомъ, выказывая два ряда бѣлыхъ, арабскихъ зубовъ. Объ этомъ времени можно бы было еще припомнить много анекдотовъ, остротъ и шутокъ. Въ сущности Пушкинъ былъ до крайности несчастливъ, и главное его несчастіе заключалось

въ томъ, что онъ жилъ въ Петербургѣ и жилъ свѣтской жизнью, его убившей. Пушкинъ находился въ средѣ, надъ которой не могъ не чувствовать своего превосходства, а между тѣмъ въ то же время чувствовалъ себя почти постоянно униженнымъ и по достатку, и по значенію въ этой аристократической сферѣ, къ которой онъ имѣлъ, какъ я сказалъ выше, какое то непостижимое пристрастіе. Наше общество такъ еще устроено, что величайшій художникъ безъ чина становится въ официальномъ мірѣ ниже послѣдняго писаря. Когда при разбѣздахъ кричали: Карету Пушкина!—Какого Пушкина? — Сочинителя! Пушкинъ обижался, конечно не за названіе, а за то пренебреженіе, которое оказывалось къ названію. За это и онъ оказывалъ наружное будто бы пренебреженіе къ нѣкоторымъ свѣтскимъ условіямъ, не слѣдовалъ модѣ и ѣздилъ на балы въ черномъ галстукѣ, въ дву-бортномъ жилетѣ, съ откидными, не накрахмаленными воротничками, подражая, быть можетъ, невольню Байроновскому джентельменству; прочимъ же условіямъ онъ подчинялся. Жена его была красавица, украшеніе всѣхъ собраній и слѣдовательно предметъ зависти всѣхъ ея сверстницъ. Для того, чтобъ приглашать ее на балы, Пушкинъ пожалованъ былъ камеръ-юнкеромъ. Пѣвецъ свободы, наряженный въ придворный мундиръ, для сопутствованія женѣ-красавицѣ, игралъ роль жалкую, едва ли не смѣшную. Пушкинъ былъ не Пушкинъ, а царедворецъ и мужъ. Это онъ чувствовалъ глубоко. Къ тому же свѣтская жизнь требовала значительныхъ издержекъ, на которыя у Пушкина часто не доставало средствъ. Эти средства онъ хотѣлъ пополнять игрою, но постоянно проигрывалъ, какъ всѣ люди, нуждающіеся въ выигрышѣ. Наконецъ онъ имѣлъ много литературныхъ враговъ, которые не давали ему покоя и уязвляли его раздражительное самолюбіе,

провозглашая съ свойственной этимъ господамъ самоувѣренностью, что Пушкинъ ослабѣлъ, устарѣлъ, исписался, что было совершенная ложь, но ложь все таки обидная. Пушкинъ возражалъ съ свойственной ему сокрушительной ѣдкостью, но не умѣлъ пріобрѣсти необходимаго для писателя равнодушія къ печатнымъ оскорбленіямъ. Журналъ его, „Современникъ“ шелъ плохо. Пушкинъ не былъ рожденъ журналистомъ. Въ свѣтѣ его не любили, потому что боялись его эпиграммъ, на которыя онъ не скупился, и за нихъ онъ нажилъ себѣ въ цѣлыхъ семействахъ, въ цѣлыхъ партіяхъ, враговъ непримиримыхъ. Въ семействѣ онъ былъ счастливъ, на сколько можетъ быть счастливъ поэтъ, не рожденный для семейной жизни. Онъ обожалъ жену, гордился ея красотой и былъ въ ней вполне увѣренъ. Онъ ревновалъ къ ней не потому, чтобы въ ней сомнѣвался, а потому, что страшился свѣтской молвы, страшился сдѣлаться еще болѣе смѣшнымъ передъ свѣтскимъ мнѣніемъ. Эта боязнь была причиной его смерти, а не г. Дантесъ, котораго бояться ему было нечего. Когда онъ меня вызывалъ, онъ высказалъ всю свою мысль. „Имя, вами носимое, общество, вами посѣщаемое, принуждаютъ меня просить сатисфакціи“. Слѣдовательно онъ вступался не за обиду, которой не было, а боялся огласки, боялся молвы, и съ Дантесомъ было то же самое. Онъ видѣлъ въ немъ не серьезнаго соперника, не посягателя на его настоящую часть, а посягателя на его имя, и этого онъ не перенесъ.

*

Я жилъ тогда въ Большой Морской, у тетки моей Васильчиковой. Въ первыхъ числахъ ноября (1836) она велѣла однажды утромъ меня позвать къ себѣ и сказала: „Представь себѣ, какая странность! Я получила сего дня пакетъ на мое имя, распечатала и нашла въ немъ другое, за-

печатанное письмо, съ надписью: Александръ Сергѣевичу Пушкину. Что мнѣ съ этимъ дѣлать? Говоря такъ, она вручила мнѣ письмо, на которомъ было дѣйствительно написано кривымъ, лакейскимъ почеркомъ: *Александръ Сергѣевичу Пушкину*. Мнѣ тотчасъ же пришло въ голову, что въ этомъ письмѣ что-нибудь написано о моей прежней личной исторіи съ Пушкинымъ, что слѣдовательно уничтожить я его не долженъ, а распечатать не въ правѣ. За тѣмъ я отправился къ Пушкину, и, не подозрѣвая нисколько содержанія приносимаго мною гнуснаго пасквиля, передалъ его Пушкину. Пушкинъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, распечаталъ конвертъ, и тотчасъ сказалъ мнѣ: „Я ужъ знаю, что такое; я такое письмо получилъ сегодня же отъ Елиз. Мих. Хитровой: это мерзость противъ жены моей. Впрочемъ понимаете, что безъимяннымъ письмомъ я обижаться не могу. Если кто-нибудь сзади плюнетъ на мое платье, такъ это дѣло моего камердинера вычистить платье, а не мое. Жена моя—ангелъ, никакое подозрѣніе коснуться ея не можетъ. Послушайте, чтѣ я по сему предмету пишу г-жѣ Хитровой“. Тутъ онъ прочиталъ мнѣ письмо, вполне сообразное съ его словами. (*) Въ сочиненіи присланнаго ему

(*) „4 Ноября поутру я получилъ три экземпляра анонимаго письма, оскорбительнаго для моей чести, и чести моей жены.“ Слова Пушкина въ письмѣ къ гр. Бенкендорфу отъ 21 Ноября 1836 г. (см. въ книжкѣ г. А. Аммосова стр. 45). Изъ послѣдующаго разсказа читатель замѣтитъ важность этого числа (21 ноября): Пушкинъ объявилъ обовсемъ гр. Бенкендорфу въ самый день, какъ отказался отъ поединка вслѣдствіе желанія противника жениться на его свояченицѣ. Стало быть онъ не вѣрилъ нисколько въ искренность Дантеса. Тогда же онъ написалъ и ругательное письмо къ посланнику Геккерну, которое удержалъ у себя мѣсяца на два и которое было поводомъ окончательнаго взрыва.

П. Б.

всѣмъ извѣстнаго диплома, онъ подозрѣвалъ одну даму, которую мнѣ и назвалъ. Тутъ онъ говорилъ спокойно, съ большимъ достоинствомъ, и, казалось, хотѣлъ оставить все дѣло безъ вниманія. Только двѣ недѣли спустя, узналъ я, что въ этотъ же день онъ послалъ вызовъ кавалергардскому поручику Дантесу, усыновленному, какъ извѣстно, Голландскимъ посланникомъ, барономъ Геккерномъ. Я продолжалъ за тѣмъ гулять, по обыкновенію, съ Пушкинымъ и не замѣчалъ въ немъ особой перемѣны. Однажды спросилъ я его только, не дознался ли онъ, кто сочинилъ подметныя письма. Точно такія же письма были получены всѣми членами тѣснаго Карамзинскаго кружка, но истреблены ими тотчасъ по прочтеніи. Пушкинъ отвѣчалъ мнѣ, что не знаетъ, но подозрѣваетъ одного человѣка. *S'il vous faut un troisième, ou un second*, сказалъ я ему, *disposez de moi*. Эти слова сильно тронули Пушкина, и онъ мнѣ сказалъ тутъ нѣсколько такихъ лестныхъ словъ, что я не смѣю ихъ повторить; но слова эти остались отраднѣйшимъ воспоминаніемъ моей литературной жизни. Сколько разъ въ послѣдствіи, когда имя мое, болѣе чѣмъ я самъ, подвергалось насмѣшкамъ и ругательствамъ журналистовъ, доходящимъ иногда до клеветы, я смирялъ свою минутную досаду повтореніемъ словъ, сказанныхъ мнѣ главою Русскихъ писателей какъ бы въ предвѣднѣи, что и для моей скромной доли не мало нужно будетъ твердости, чтобъ выдержать многія непонятныя, печатанныя на авось и незаслуженныя оскорбленія. Порадовавъ меня своимъ отзывомъ, Пушкинъ прибавилъ: „Дуэли никакой не будетъ; но я, можетъ быть, попрошу васъ быть свидѣтелемъ одного объясненія, при которомъ присутствіе свѣтскаго человѣка (опять таки свѣтскаго человѣка) мнѣ желательно, для надлежащаго заявленія, въ случаѣ надобности“. Все это было говорено

по французски. Мы зашли къ оружейнику. Пушкинъ прицѣвнивался къ пистолетамъ, но не купилъ, по неимѣнію денегъ. Послѣ того мы заходили еще въ лавку къ Смирдину, гдѣ Пушкинъ написалъ записку Кукольникову, кажется, съ требованіемъ денегъ. Я между тѣмъ оставался у дверей и импровизировалъ эпиграмму:

Коль ты къ Смирдину войдешь,
Ничего тамъ не найдешь,
Ничего ты тамъ не купишь,
Лишь Сенковского толкнешь.

Эти четыре стиха я сказалъ выходящему Александру Сергѣевичу, который съ необыкновенною живостью заключилъ:

Иль въ Б..... наступишь.

Я былъ совершенно покоенъ, такимъ образомъ, на счетъ послѣдствій писемъ, но черезъ нѣсколько дней долженъ былъ разувѣриться. У Карамзиныхъ праздновался день рожденія старшаго сына. Я сидѣлъ за обѣдомъ подлѣ Пушкина. Во время общаго веселаго разговора, онъ вдругъ нагнулся ко мнѣ и сказалъ мнѣ скороговоркой: „Ступайте завтра къ д'Аршіаку. Условьтесь съ нимъ только на счетъ матеріальной стороны дуэли. Чѣмъ кровавѣе, тѣмъ лучше. Ни на какія объясненія не соглашайтесь“. Потомъ онъ продолжалъ шутить и разговаривать, какъ бы ни въ чемъ не бывало. Я остолбенѣлъ, но возражать не осмѣлился. Въ тонѣ Пушкина была рѣшительность, не допускавшая возраженій. Вечеромъ я поѣхалъ на большой раутъ къ Австрійскому посланнику графу Фикельмону. На раутѣ всѣ дамы были въ траурѣ, по случаю смерти Карла X. Одна Катерина Николаевна Гончарова, сестра Натальи Николаевны Пушкиной (которой на раутѣ не было) отличалась отъ прочихъ бѣлымъ платьемъ. Съ ней любезничалъ Дантесъ-Гекернъ. Пушкинъ пріѣхалъ поздно, казался очень встревоженъ, запретилъ Катеринѣ Николаевнѣ говорить съ Дантесомъ и, какъ узналъ я потомъ, самому

Дантесу высказалъ нѣсколько болѣе чѣмъ грубыхъ словъ. Съ д'Аршіакомъ, статнымъ молодымъ секретаремъ Французскаго посольства (*), мы выразительно переглянулись, но разошлись, не будучи знакомы. Дантеса я взялъ въ сторону и спросилъ его, что онъ за человѣкъ. „Я человѣкъ честный, отвѣчалъ онъ, и надѣюсь скоро это доказать“. За тѣмъ онъ сталъ объяснять, что не понимаетъ, чего отъ него Пушкинъ хочетъ; что онъ по неволѣ будетъ съ нимъ стрѣляться, если будетъ къ тому принужденъ; но никакихъ ссоръ и скандаловъ не желаетъ. Ночь я, сколько мнѣ помнится, не могъ заснуть: я понималъ, какая лежала на мнѣ отвѣтственность передъ всею Россіей. Тутъ уже было не то, что исторія со мной. Со мной я за Пушкина не боялся. Ни у одного Русскаго рука на него бы не поднялась; но Французу Русской славы жалѣть было нечего.

На другой день погода была страшная, снѣгъ, мятель. Я поѣхалъ сперва къ отцу моему, жившему на Мойкѣ, потомъ къ Пушкину, который повторилъ мнѣ, что я имѣю только условиться на счетъ матеріальной стороны самаго безпощаднаго поединка, и наконецъ, съ замирающимъ сердцемъ, отправился къ д'Аршіаку. Каково же было мое удивленіе, когда съ первыхъ словъ д'Аршіакъ объявилъ мнѣ, что онъ самъ всю ночь не спалъ, что онъ, хотя не Русскій, но очень понимаетъ, какое значеніе имѣетъ Пушкинъ для Русскихъ, и что наша обязанность сперва просмотрѣть всѣ документы, относящіеся до порученнаго намъ дѣла. За тѣмъ онъ мнѣ показалъ:

- 1) Экземпляръ ругательнаго диплома на имя Пушкина.
- 2) Вызовъ Пушкина Дантесу, послѣ полученія диплома.
- 3) Записку посланника барона Гекер-

(*) Д'Аршіакъ имѣлъ титулъ виконта. П. Б. Русскій Архивъ 41.

на, въ которой онъ просилъ, чтобъ поединокъ былъ отложенъ на двѣ недѣли.

4) Собственноручную записку Пушкина, въ которой онъ объявлялъ, что беретъ свой вызовъ назадъ, на основаніи слуховъ, что г. Дантесъ женится на его невѣсткѣ К. Н. Гончаровой.

Я стоялъ пораженный, какъ будто свалился съ неба. Объ этой свадьбѣ я ничего не слышалъ, ничего не въдалъ и только тутъ понялъ причину вчерашняго бѣлаго платья, причину двухъ-недѣльной отсрочки, причину ухаживанія Дантеса. Всѣ хотѣли остановить Пушкина. Одинъ Пушкинъ того не хотѣлъ. Мѣра терпѣнія преисполнилась. При полученіи глупаго диплома отъ безъимяннаго негодяя, Пушкинъ обратился къ Дантесу, потому что послѣдній, танцуя часто съ Н. Н., былъ поводомъ къ мерзкой шуткѣ. Самый день вызова неопровержимо доказываетъ, что другой причины не было. Кто зналъ Пушкина, тотъ понимаетъ, что не только въ случаѣ кровной обиды, но что даже при первомъ подозрѣніи, онъ не сталъ бы дожидаться подметныхъ писемъ (*). Одному Богу извѣстно, что онъ въ это время выстрадалъ, воображая себя осмѣяннымъ и поруганнымъ въ большомъ свѣтѣ, преслѣдовавшемъ его мелкими непрерывными оскорбленіями. Онъ въ лицѣ Дантеса искалъ или смерти или расправы съ цѣлымъ свѣтскимъ обществомъ. Я твердо убѣжденъ, что еслибы С. А. Соболевскій былъ тогда въ Петербургѣ, онъ, по вліянію его на Пушкина, одинъ могъ бы удерживать его. Прочіе были не въ силахъ (**).

(*) Кстати замѣтить, что гнусные интриганы для разсылки анонимныхъ писемъ (въ которыхъ Пушкинъ величался рогоносцемъ) воспользовались только что заведенною тогда въ Петербургѣ городскою почтою: иначе было бы легче обличить ихъ навѣрное. П. Б.

(**) Въ августѣ 1836 г. С. А. Соболевскій ухаживалъ въ чужіе края. П. Б.

„Вотъ положеніе дѣла, сказалъ д'Аршіакъ. Вчера кончился двухъ-недѣльный срокъ, и я былъ у г. Пушкина съ извѣщеніемъ, что мой другъ Дантесъ готовъ къ его услугамъ. Вы понимаете, что Дантесъ желаетъ жениться, но не можетъ жениться иначе, какъ если г. Пушкинъ откажется просто отъ своего вызова безъ всякаго объясненія, не упоминая о городскихъ слухахъ. Г. Дантесъ не можетъ допустить, чтобъ о немъ говорили, что онъ былъ принужденъ жениться, и женился во избѣжаніе поединка. Уговорите г. Пушкина безусловно отказаться отъ вызова. Я вамъ ручаюсь, что Дантесъ женится, и мы предотвратимъ, можетъ быть, большое несчастіе. Этотъ д'Аршіакъ былъ необыкновенно симпатичной личностью и самъ скоро потомъ умеръ насильственною смертью на охотѣ (*). Мое

(*) Покойный Иванъ Ивановичъ Панаевъ, въ своихъ Литературныхъ Воспоминаніяхъ (Соврем. 1861, № 2, стр. 629) рассказываетъ, что недѣли черезъ двѣ по увозѣ тѣла Пушкина изъ Петербурга, Краевскій объявилъ, что ему поручено разобрать книги и бумаги въ кабинетѣ Пушкина, и что онъ приглашаетъ себя въ помощники Сахарова, еще кого-то и его Панаева.

Мы провозились цѣлый вечеръ. Я между прочимъ нашелъ подъ столомъ, на полу, записку Мегниса, бывшаго тогда секретаремъ англійскаго посольства въ Петербургѣ. Пушкинъ просилъ его быть своимъ секундантомъ, и Мегнисъ въ своей запискѣ отказывалъ Пушкину въ этой просьбѣ, замѣчая, что по его положенію онъ не можетъ виѣшиваться въ такого рода дѣла. Записку эту я передалъ Краевскому, который хотѣлъ отдать ее Жуковскому. По рассказамъ современниковъ, Пушкинъ, часто встрѣчавшійся съ Мегнисомъ (впослѣдствіи англійскимъ посланникомъ въ Португаліи) у гр. Фикельмонъ, весьма уважалъ его за твердый и честный характеръ. Приглашая его въ секунданты, Пушкинъ могъ имѣть въ виду именно его дипломатическое значеніе, такъ какъ настоящимъ своимъ противникомъ считалъ Голландскаго посланника барона Гекерна. П. Б.

положеніе было самое непріятное: я только теперь узнавалъ сущность дѣла; мнѣ предлагали самый блистательный исходъ, то что я и требовать и ожидать бы никакъ не смѣлъ, а между тѣмъ я не имѣлъ порученія вести переговоры. Потолковавъ съ д'Аршіакомъ, мы рѣшились съѣхаться въ три часа у самага Дантеса. Тутъ возобновились тѣ же предложенія, но въ разговорахъ Дантесъ не участвовалъ, все предоставивъ секунданту. Никогда въ жизнь свою я не ломалъ такъ головы. Наконецъ, потребовавъ бумаги, я написалъ по французски къ Пушкину слѣдующую записку:

„Согласно вашему желанію я условился на счетъ матеріальной стороны поединка. Онъ назначенъ 21 ноября въ 8 часовъ утра на Парголовской дорогѣ, на 10 шаговъ барьера. Впрочемъ изъ разговоровъ узналъ я, что г. Дантесъ женится на вашей свояченицѣ, если вы только признаете, что онъ велъ себя въ настоящемъ дѣлѣ какъ *честный* человекъ. Г. д'Аршіакъ и я служимъ вамъ порукой, что свадьба состоится; именемъ вашего семейства умоляю васъ согласиться“ и пр.

Точныхъ словъ я не помню, но содержаніе письма вѣрно. Очень мнѣ памятно число 21 ноября, потому что 20 было рожденіе моего отца, и я не хотѣлъ ознаменовать этотъ день кровавой сценой. Д'Аршіакъ прочиталъ внимательно записку; но не показалъ ея Дантесу, не смотря на его требованіе, а передалъ мнѣ и сказалъ: „Я согласенъ. Пошлите.“ Я позвалъ своего кучера, отдалъ ему въ руки записку и приказалъ вести на Мойку туда, гдѣ я былъ утромъ. Кучеръ ошибся и отвезъ записку къ отцу моему, который жилъ тоже на Мойкѣ и у котораго я тоже былъ утромъ. Отецъ мой записки не распечаталъ, но, узнавъ мой почеркъ, и очень встревоженный, выгладѣлъ условія о поединкѣ. Однако онъ отправилъ кучера къ Пушкину, тогда какъ мы около

двухъ часовъ оставались въ мучительномъ ожиданіи. Наконецъ отвѣтъ былъ привезенъ. Онъ былъ въ общемъ смыслѣ слѣдующаго содержанія: „Прошу гг. секундантовъ считать мой вызовъ недѣйствительнымъ, такъ какъ по городскимъ слухамъ (*par le bruit public*) я узналъ, что г. Дантесъ женится на моей свояченицѣ. Впрочемъ я готовъ признать, что въ настоящемъ дѣлѣ онъ велъ себя честнымъ человекомъ“. Этого достаточно, сказалъ д'Аршіакъ, отвѣта Дантесу не показалъ и поздравилъ его женихомъ. Тогда Дантесъ обратился ко мнѣ съ словами: „Ступайте къ г. Пушкину и поблагодарите его, что онъ согласенъ кончить нашу ссору. Я надѣюсь, что мы будемъ видаться, какъ братья.“—Поздравивъ съ своей стороны Дантеса, я предложилъ д'Аршіаку лично повторить эти слова Пушкину и ѣхать со мной. Д'Аршіакъ и на это согласился. Мы застали Пушкина за обѣдомъ. Онъ вышелъ къ намъ нѣсколько блѣдный и выслушалъ благодарность, переданную ему д'Аршіакомъ. „Съ моей стороны, продолжалъ я, я позволилъ себѣ обѣщать, что вы будете обходиться съ своимъ зятемъ, какъ съ знакомымъ“. — „Напрасно, воскликнулъ запальчиво Пушкинъ. Никогда этого не будетъ. Никогда между домомъ Пушкина и домомъ Дантеса ничего общаго быть не можетъ“. — Мы грустно переглянулись съ д'Аршіакомъ. Пушкинъ за тѣмъ немного успокоился. „Впрочемъ, добавилъ онъ, я призналъ и готовъ признать, что г. Дантесъ дѣйствовалъ какъ честный человекъ“. — Больше мнѣ и не нужно, подхватилъ д'Аршіакъ и поспѣшно вышелъ изъ комнаты.

Вечеромъ на балѣ С. В. Салтыкова свадьба была объявлена, но Пушкинъ Дантесу не кланялся. Онъ сердился на меня, что, не смотря на его приказаніе, я вступилъ въ переговоры. Свадьбѣ онъ не вѣрилъ. „У него, кажется, грудь бо-

литъ, говорилъ онъ, того гляди, уѣдетъ за границу. Хотите биться объ закладъ, что свадьбы не будетъ. Вотъ у васъ тросточка. У меня бабья страсть къ этимъ игрушкамъ. Проиграйте мнѣ ее⁴. — А вы проиграете мнѣ всѣ ваши сочиненія. — Хорошо. — (Онъ былъ въ это время, какъ то желчно веселъ). „Послушайте, сказалъ онъ мнѣ черезъ нѣсколько дней, вы были болѣе секундантомъ Дантеса, чѣмъ мимъ; однако я не хочу ничего дѣлать безъ вашего вѣдома. Пойдемте въ мой кабинетъ.“ Онъ заперъ дверь и сказалъ: „Я прочитаю вамъ мое письмо къ старику Гекерну. Съ сыномъ уже покончено.. Вы мнѣ теперь старичка подавайте.“ Тутъ онъ прочиталъ мнѣ всѣмъ извѣстное письмо къ Голландскому посланнику^(*)). Губы его задрожали, глаза налились кровью. Онъ былъ до того страшень, что только тогда я понялъ, что онъ дѣйствительно Африканскаго происхожденія. Что могъ я возразить противъ такой сокрушительной страсти? Я промолчалъ невольно, и такъ какъ это было въ субботу (пріемный день кн. Одоев-

(*) Оно напечатано въ брошюрѣ г. Аммосова. Весьма замѣчательно, что это письмо, въ коемъ каждая строка дышетъ пламеннымъ негодованіемъ и жесточайшимъ презрѣніемъ, написано почти во одно время съ извѣстительнымъ письмомъ къ гр. Бенкендорфу (21 ноября). Сіе же послѣднее Пушкинъ счелъ своимъ долгомъ написать, такъ какъ въ теченіи двухнедѣльнаго срока онъ имѣлъ случай видѣться съ государемъ и далъ ему слово ничего не начинать, не предъувѣдомивъ его (слышано отъ кн. П. А. Вяземскаго); по заведенному съ давнихъ поръ порядку Пушкинъ (кромя встрѣчъ) относился къ покойному государю въ своихъ дѣлахъ и нуждахъ не иначе какъ черезъ гр. Бенкендорфа. Всѣмъ извѣстно милостивое участіе, какое принималъ государь въ судьбѣ поэта. (Подробности см. въ письмѣ В. А. Жуковскаго, Русскій Архивъ 1864, стр. 48—54)

скаго), то поѣхалъ къ кн. Одоевскому. Тамъ я нашелъ Жуковскаго, и рассказалъ ему про то, что слышалъ. Жуковскій испугался и общалъ остановить отсылку письма. Дѣйствительно, это ему удалось: черезъ нѣсколько дней онъ объявилъ мнѣ у Карамзиныхъ, что дѣло онъ уладилъ, и письмо послано не будетъ. Пушкинъ точно не отсылалъ письма, но сберегъ его у себя на всякій случай.

Въ началѣ декабря я былъ командированъ въ Харьковъ къ гр. А. Г. Строганову и выѣхалъ совершенно успокоенный въ Москву. Въ Москвѣ я заболѣлъ и пролежалъ два мѣсяца. Передъ отъѣздомъ я пошелъ проститься съ д'Аршіакомъ, который показалъ мнѣ нѣсколько печатныхъ бланковъ съ разными шутовскими дипломами на разныя нелѣпныя званія. Онъ рассказалъ мнѣ, что Вѣнское общество цѣлую зиму забавлялось разсылкою подобныхъ мистификацій. Тутъ находился тоже печатный образецъ диплома, посланнаго Пушкину. Такимъ образомъ гнусный шутникъ, причинившій его смерть, не выдумалъ даже своей шутки, а получилъ образецъ отъ какого-то члена дипломатическаго корпуса и списалъ. Кто былъ виновнымъ, оставалось тогда еще тайной непроницаемой. Послѣ отъѣзда, Дантесъ женился и былъ хорошимъ мужемъ, и теперь по кончинѣ жены весьма нѣжный отецъ. Онъ пожертвовалъ собой, чтобъ избѣгнуть поединка. Въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; но какъ человѣкъ вѣтреный, онъ и послѣ свадьбы, встрѣчаясь на балахъ съ Натальей Николаевной, подходилъ къ ней, и балагурилъ съ нѣсколькими казарменными непринужденностью. Взрывъ былъ неминуемъ и произошелъ несомнѣнно отъ площаднаго каламбура. На балѣ у гр. Воронцова, женатый уже, Дантесъ спросилъ Наталью Николаевну, довольна ли она мозольнымъ операторомъ, присланнымъ ей его женой. — *Le pédicure prétend, прибавилъ онъ, que votre cor est plus beau que celui de ma*

femme (*). Пушкинъ объ этомъ узналъ. Въ письмѣ его къ посланнику Гекерну есть намеки на этотъ каламбуръ (**). Письмо впрочемъ было то же самое, которое онъ мнѣ читалъ за два мѣсяца, — многія мѣста я узналъ; только прежде было, если не ошибаюсь, длиннѣе и, какъ оно ни покажется невѣроятнымъ, еще оскорбительнѣе.

29 января слѣдующаго (1837) г. Пушкина не стало. Вся грамотная Россія содрогнулась отъ великой утраты. Я понялъ, что Пушкинъ не выдержалъ и послалъ письмо къ старику Гекерну; понялъ, почему, боясь новыхъ примирителей, онъ выбралъ себѣ секунданта почти уже на мѣстѣ поединка; я понялъ, тоже, что такъ было угодно Провидѣнію, чтобъ Пушкинъ погибъ, и что онъ самъ увлекался къ смерти силою почти сверхъестественною, и такъ сказать осязательною. 25 лѣтъ спустя, я встрѣтился въ Парижѣ съ Дантесомъ-Гекерномъ, нынѣшнимъ французскимъ сенаторомъ. Онъ спросилъ меня. „Вы ли это были?“ — Я отвѣчалъ: Тотъ самый. — „Знаете ли, продолжалъ онъ, когда фельдъегерь довезъ меня до границы, онъ вручилъ мнѣ отъ государя запечатанный пакетъ съ документами моей несчастной исторіи. Этотъ пакетъ у меня въ столѣ лежитъ и теперь запечатанный. Я не имѣлъ духа его распечатать“.

И такъ документы, поясняющіе смерть Пушкина, цѣлы и находятся въ Парижѣ. Въ ихъ числѣ долженъ быть дипломъ, на-

(*) Т. е. мозольщикъ увѣряетъ что у васъ мозоль лучше чѣмъ у моей жены.“ Игра французскими словами *cor*—мозоль и *corps*—тѣло. П. Б.

(**) C'est vous probablement qui lui dictiez les pauvretés qu'il venait débiter... il débite des calembourgs de corps de garde—слова Пушкина въ письмѣ къ б. Гекерну-отцу (у Аммосова, стр. 48 и 49).

писанный поддѣльной рукою. Стоитъ только экспертамъ изслѣдовать почеркъ, и имя настоящаго убійцы Пушкина сдѣлается извѣстнымъ на вѣчное презрѣніе всему Русскому народу. Это имя вертнется у меня на языкъ, но пусть его отыщетъ и назоветъ не достовѣрная догадка, а Божіе правосудіе! (*)

*

Смерть Пушкина возвѣстила Россіи о появленіи новаго поэта — *Лермонтова*. Съ Лермонтовымъ я сблизился у Карамзиныхъ и былъ въ одно время съ нимъ сотрудникомъ Отечественныхъ Записокъ. Свѣтское его значеніе я изобразилъ подъ именемъ Леонина въ моей повѣсти *Большой свѣтъ*, написанной по заказу Великой Княгини Маріи Николаевны. Вообще все, что я писалъ, было по случаю, по заказу, — для бенефисовъ, для альбомовъ и т. п. Тарантасъ былъ написанъ текстомъ

(*) Въ книжкѣ г. Аммосова стр. 9 сказано: „Авторомъ записокъ (безымянныхъ) Пушкинъ подозрѣвалъ барона Гекерна отца, и даже писалъ объ этомъ графу Бенкендорфу. Послѣ смерти Пушкина многіе въ этомъ подозрѣвали князя Гагарина (Ивана Сергѣевича, нынѣ іезуита); теперь же подозрѣніе это осталось за жившимъ тогда вмѣстѣ съ нимъ княземъ Петромъ Владиміровичемъ Долгоруковымъ (извѣстнымъ подъ прозваніемъ le bapca). Поводомъ къ подозрѣнію князя Гагарина въ авторствѣ безымянныхъ писемъ послужило то, что они были писаны на бумагѣ одинаковаго формата съ бумагою князя Гагарина. Но, будучи уже за границей, Гагаринъ признался, что записки дѣйствительно были писаны на его бумагѣ, но только не имъ, а княземъ П. В. Долгоруковымъ“. Сей послѣдній возражалъ противъ этого обвиненія, особымъ письмомъ, напечатаннымъ въ Современникѣ 1863, сентябрь во Внутрен. Обзорѣнн, стр. 199—200. Письмо означено: London, Fulham, 7. Partono—Green, 12 (24) іюня 1863. Онъ отрицаетъ показаніе іезуита Гагарина, а въ собственное оправданіе ссылается на свои знакомства съ друзьями и родными Пушкина. П. Б.

къ рисункамъ кн. Гагарина, Аптекарьша— подаркомъ Смирдину. Я всегда считалъ и считаю себя не литераторомъ ex professo, а любителемъ, прикомандированнымъ къ Русской литературѣ по поводу дружескихъ сношеній. Впрочемъ и Лермонтовъ, не смотря на громадное его дарованіе, почиталъ себя ничѣмъ инымъ, какъ любителемъ и такъ сказать шалилъ литературой. Смерть Лермонтова по моему убѣжденію была ббольшою утратою для Рос. словесности, чѣмъ смерть Пушкина и Гоголя. Въ немъ выказывались съ каждымъ днемъ новые залогі необыкновенной будущности: чувство становилось глубже, форма яснѣе, пластичнѣе, языкъ самобытнѣе. Онъ росъ по часамъ, началъ учиться, читать, сравнивать. Въ немъ слѣдуетъ оплакивать не столько того, котораго мы знаемъ, сколько того, котораго мы могли бы знать. Последнее наше свиданіе мнѣ очень памятно. Это было въ 1841 г.: онъ уѣзжалъ на Кавказъ и пріѣхалъ ко мнѣ проститься. „Однакожь, сказалъ онъ мнѣ, я чувствую, что во мнѣ дѣйствительно есть талантъ. Я думаю серьезно посвятить себя литературѣ. Вернусь съ Кавказа, выйду въ отставку,—и тогда давай вмѣстѣ издавать журналъ.“(*)—Онъ уѣхалъ въ ночь. Вскорѣ онъ былъ убитъ, а я поѣхалъ за границу, гдѣ жилъ цѣлый годъ съ Гоголемъ, сперва въ Баденъ-Баденъ, потомъ въ Ниццѣ. Талантъ Гоголя въ то время осмыслился, окрѣпнулъ, но прежняя струя творчества уже не била въ немъ съ привычною живостью. Прежде геній руководилъ имъ, тогда онъ уже хотѣлъ руководить геніемъ. Прежде ему невольно писалось, потомъ онъ хотѣлъ писать и какъ Гѣте смѣшалъ свою личность съ независимымъ отъ его личности вдохно-

веніемъ. Онъ постоянно мнѣ говорилъ: „Пишите,—поставьте себя за правило хотѣть два часа въ день сидѣть за письменнымъ столомъ, и припуждайте себя писать“. „Да чтожь дѣлать возражалъ я, если не пишется.“—„Ничего.. возьмите перо и пишите: Сегодня мнѣ что не пишется, сегодня мнѣ что-то не пишется, сегодня мнѣ что-то не пишется и такъ дагѣе, наконецъ надоѣстъ и напишется“. Самъ же онъ такъ писалъ и былъ всегда недоволенъ, потому что ожидалъ отъ себя чего-то необыкновеннаго. Я видѣлъ, какъ этотъ бойкій, свѣтлый умъ постепенно туманился въ порывахъ къ недостижимой цѣли.

Какъ тревожны были мои отношенія къ Пушкину, такъ же покойны были отношенія мои къ Гоголю. Онъ чуждался и бѣгалъ свѣта; и, кажется, однажды во всю жизнь свою надѣлъ черный фракъ—и то чужой, когда великая княгиня Марія Николаевна пригласила его въ Римъ къ себѣ. Застѣнчивость Гоголя простиралась до странности. Онъ не робѣлъ передъ посторонними, а тяготился ими. Какъ только являлся гость, Гоголь исчезалъ изъ комнаты. Впрочемъ онъ иногда еще бывалъ веселъ, читалъ по вечерамъ свои произведенія, всегда прежнія и представлялъ между прочимъ въ лицахъ Нѣжинскихъ своихъ учителей съ такой комической силой, что присутствующіе надрывались со смѣха. Но жизнь его была суровая и печальная. По утрамъ онъ читалъ Іоанна Златоуста, потомъ писалъ и рвалъ все написанное, ходилъ очень много, былъ иногда простъ до величія, иногда причудливъ до ребячества. Я сохранилъ отъ этого времени много писемъ и документовъ, любопытныхъ для опредѣленія его психической болѣзни. Гоголя я видѣлъ въ послѣдній разъ въ Москвѣ въ 1850 г., когда я ѣхалъ на Кавказъ. Онъ пришолъ со мной проститься и началъ говорить такъ сбивчиво, такъ отвлеченно, такъ неясно, что я

(*) Мы въ правѣ ожидать отъ графа В. А. Сологуба подробностей о его встрѣчахъ, знакомствѣ и дружбѣ съ Лермонтовымъ. П. Б.

ужаснулся, смѣшался и сказалъ ему что-то про самобытность Москвы. Тутъ лице Гоголя прояснилось, искра прежняго веселья сверкнула въ его глазахъ, и онъ разсказалъ мнѣ по Гоголевски одинъ, въ высшій степени забавный и типичный анекдотъ, которымъ, къ сожалѣнію, я съ моими слушательницами подѣлиться не могу. Но тотчасъ же послѣ анекдота онъ снова опечалился, запутался въ невсязной рѣчи, и я понялъ, что онъ погибъ. Онъ страдалъ долго, страдалъ душевно, отъ своей неловкости, отъ своего мнимаго безобразія, отъ своей застѣнчивости, отъ безнадежной любви, отъ своего безсилія передъ ожиданіями Русской грамотной публики, избравшей его своимъ кумиромъ. Онъ углублялся въ самого себя, искалъ въ религіи спокойствія и не всегда находилъ; онъ изнемогалъ подъ силой своего призванія, принявшаго въ его глазахъ размѣры громадныя, томился тѣмъ, что не причастенъ къ радостямъ всѣмъ доступнымъ и, изнывая между болѣзненнымъ смиреніемъ и болѣзненной, несвойственной ему по природѣ гордостью, умеръ отъ борьбы внутренней, такъ какъ Пушкинъ умеръ отъ борьбы внѣшней. Оба шли разными путями, но оба пришли къ одной цѣли, къ конечному душевному сокрушенію и къ преждевременной смерти. Пушкинъ не выдержалъ своего мнимаго униженія, Гоголь не выдержалъ своего настоящаго величія. Пушкинъ не устоялъ противъ своихъ враговъ, Гоголь не устоялъ противъ своихъ поклонниковъ. Оба не были подготовлены современнымъ имъ общественнымъ духовнымъ

развитіемъ къ твердой стойкости передъ жизненными искушеніями. Оба не нашли вокругъ себя настоящей точки опоры, общаго трезваго взгляда на отношенія искусства къ жизни и жизни къ истинѣ. Настоящимъ художникамъ нѣтъ еще мѣста, нѣтъ еще обширной сѣры въ Русской жизни. И Пушкинъ, и Гоголь, и Лермонтовъ, и Глинка, и Брюловъ были жертвами этой горькой истины. Тамъ, гдѣ жизнь еще ищетъ своихъ требованій, тамъ искусству неловко, тамъ художникъ становится мученикомъ другихъ и самого себя.

Послѣ кончины почти всѣхъ моихъ учителей, товарищей и пріятелей, я отошелъ отъ литературнаго поприща, какъ покидаютъ домъ, нѣкогда оживленный любимыми собесѣдниками и вдругъ опустошенный рукою всесокрушающей смерти. Я отошелъ въ сторону, но унесъ съ собой свои воспоминанія, и уже привычную любовь къ русскому слову, и твердую увѣренность въ его прекрасной будущности. — Свѣтильникъ, зажженный великими людьми, не можетъ угаснуть. Его обережетъ народный здравый смыслъ. Его оживятъ новые таланты. Дай Богъ, чтобъ они не были новыми жертвами; дай Богъ, чтобъ истинное просвѣщеніе не оставалось утонченною потребностью нѣкоторыхъ личностей, а разлилось потокомъ по всему нашему отечеству; дай Богъ, чтобъ Общество любителей Русской словесности не могло бы болѣе помѣщаться въ этой комнатѣ и чтобъ этимъ обществомъ сдѣлалось все Русское государство!